

Уникальная рукопись эпохи Шибанидов из фонда Центра письменного наследия Таджикистана¹

Л.Н. Додхудоева

Центр письменного наследия при Президиуме
Национальной академии наук Таджикистана

DOI: 10.17816/ММО72311

Статья знакомит с результатами предварительного исследования уникального труда «Манакиб ал-хулафа'» («Добродетели / Похвальные качества халифов»), составленного Кавам ад-Дином Мухаммадом ал-Хусайни ал-Санауджиради ал-Зийаратгахи ал-Харави в 997/1588 г. Это — ответ на протестное послание шиитов Герата, переживших осаду и взятие города войсками суннитов — Шибанидов. «Манакиб» воссоздает ранний этап истории ислама до момента раскола, вызванного разницей в понимании принципов передачи верховной политической власти (выборный или наследственный), и раскрывает достоинства четырех праведных халифов. Как неопровержимые доказательства превосходства суннизма над шиизмом в трактате приведены фрагменты Корана и хадисы. Сочинение представляет яркий образец полемической литературы в ходе жесткой идеологической борьбы двух ортодоксий — суннитской и шиитской, и содержит ценную информацию по религиозной и политической истории Евразии в период пред-модерна.

Ключевые слова: «Манакиб ал-хулафа'», рашидун, конфессионализация, прецеденты-сабакат, «люди сунны и общины», шииты, неочингизиды.

Статья поступила в редакцию 03.03.2021.

Лола Назаровна Додхудоева, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра письменного наследия при Президиуме Национальной академии наук Таджикистана; 734025, г. Душанбе, ул. Хусайн-заде, 35 (lola.dodkhudoeva@gmail.com).

© Додхудоева Л.Н., 2021

Фонд рукописей, литографий и старопечатных книг Центра письменного наследия при Президиуме Национальной академии наук Таджикистана (далее — ЦПН НАНТ) — одно из крупнейших рукописохранилищ на территории бывшего Советского Союза, формирование которого проходило после образования советского Таджикистана, в 1930-х годах². Сегодня в фонде хранится более 6500 рукописей и свыше

¹ Работа выполнялась в рамках индивидуального проекта «Общее и особенное в социально-политической практике династий Османов, Великих Моголов и Шибанидов в X/XVI в.» программы Университета Коч (Турция).

² Название Института несколько раз менялось (подробно см.: Додхудоева 2020).

6600 экземпляров старопечатных и литографических книг на таджикско-персидском, арабском, тюркских языках и иврите по истории, культуре, проблемам развития общественной мысли на мусульманском Востоке.

Каталогизация фондов проводилась с конца 1950-х годов в теснейшем взаимодействии с коллегами из профильных организаций АН СССР, прежде всего, старейшего в СССР центра хранения и изучения рукописей — Ленинградского филиала Института востоковедения АН СССР (ныне — Институт восточных рукописей РАН). С 1966 по 1988 г. вышло шесть томов «Каталога восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР»³. Часть материалов первичного аннотирования рукописей, проведенного в 1970–1980 гг. группой сотрудников Института востоковедения под руководством Амрияздона Алимардонова (1838–2009), хранилась в архиве. С 2017 г. сотрудники Отдела каталогизации рукописей⁴ приступили к осуществлению программы подготовки к публикации сохранившихся архивных материалов. К началу 2021 г. программа была завершена, опубликованы тома VII–X «Каталога»⁵. В них были включены все 905 аннотаций, хранившихся в архиве, в которые были внесены дополнения согласно новейшим правилам кодикологического описания. В настоящее время работа над описанием рукописей и подготовка их к изданию в ЦПН НАНТ продолжена уже без использования архивных материалов.

В процессе редакции десятого тома «Каталога» внимание автора этих строк привлек список под инвентарным номером 1944/I с названием «Манакиб ал-хулафа’» («Достоинства / Похвальные качества халифов») (далее — МХ). В сочинении указано имя его автора — Кавам ад-Дин Мухаммад Насир ад-Дин Мухаммад, «известный как мулла Мир». Составление произведения завершено в месяце мухаррам 997 / декабрь 1588 г.

Текст переписан на плотной бумаге кремового цвета, скорее всего индийского производства. Почерк — хорошо читаемый наст’алик. Текст заключен в рамочку из цветных и золотых линий. В начале текста — традиционно выполненный ‘унван. Рукопись датируется по палеографическим особенностям концом X/XVI в.

Текст МХ изложен на 36 листах (л. 16–36а), 16,5×24/9×17 см, 15 строк на странице. В рукописи проставлены и восточная пагинация (в середине верхнего поля страницы), и европейская фолиация (в левой части верхнего поля правой стороны листа). Сделано это было, по-видимому, уже в советское время, простым карандашом, очень крупно, не всегда аккуратно.

Рукопись была реставрирована, скорее всего, в конце XVIII — начале XIX в. В ней объединены два списка: МХ, являющийся предметом нашего исследования, и второй, — небольшой трактат о мазарах Бухары (л. 376–86а) под названием «داره فقراي رسالة مزارات», вероятнее всего, переписанный также в конце X/XVI в. В отдельных случаях реставрация повредила текст в местах стыковки текстовой части и боковых полей, начальные буквы первые слов на строке не всегда читаются из-за вклеек реставрационной бумаги. Обычный среднеазиатский переплет был сделан в то же время, из кожи черного цвета, с тисненными орнаментированными медальонами (4×5/2×2,5 см), а корешок выполнен из кожи гранатового цвета, с язычком.

³ Подробные данные по т. 1–6 «Каталога» см. (Додхудоева 2020).

⁴ Состав группы: Лола Додхудоева, Иззатулло Мирзоев, Бибисултон Навбахорова, Кудрат Эльчибеков.

⁵ Тома VII–X «Каталога восточных рукописей академии наук Таджикистана» вышли в период с 2018 по 2020 г.: т. VII — в 2018 г., т. VIII и IX — в 2019, т. X — в 2020 г.

К настоящему моменту мы не нашли дополнительных сведений об этом сочинении. С огромной благодарностью отмечаю, что сведения о самом авторе любезно сообщил Директор Института иранистики Австрийской академии наук в Вене профессор Флориан Шварц, восстановивший биографические сведения муллы Мира по нескольким источникам (Zinda ‘Alī; Nithāḡ Bukhāḡ 1969; Maḡmūd b. Walī).

Автор МХ, Сайид мавлана Кавам ад-Дин Ахмад (в МХ — Мухаммад) б. мавлана Насир ад-Дин б. мавлана⁶ Кавам ад-Дин Калан ал-Хусайни ал-Санауджиради ал-Зийаратгахи ал-Харави (род. ок. 910/1504 г. в Герате), происходил из семьи известных религиозных деятелей Санауджирда, большого поселения в окрестностях Герата. В 919/1513 г. его отец, мавлана Насир ад-Дин, известный как знаток и рациональных, и богословских наук (عقلي و نقلی), покинул родные края, последовав за ‘Убайдуллаханом Шибанидом (прав. 940–947/1533–1540) в Бухару, где преподавал ханафитское право в мадраса⁷ Газийан вплоть до своей смерти (971/1563–4 г.). Он был похоронен вблизи мазара Х^ваджи Баха’ ад-Дина Накшбанда. Судьба его сына, автора МХ, Кавам ад-Дина Мухаммада, известного как мулла Мир, также была связана с Бухарой, где он учился под руководством таких известных ‘улама’⁸, как мавлана Кипак(и) Туркестани, а позже преподавал в мадраса.

Стиль трактата выдает в авторе способность вести дебаты — фразы выстроены четко и доходчиво, без напыщенности и многословия; обилие доказательного материала (коранические отрывки и хадисы⁹) характеризует компетентность автора как подготовленного к ведению межконфессиональных дебатов ‘алима¹⁰, что придает произведению ярко выраженный идеологический характер.

После весьма краткого — в одну строку — славословия в адрес Аллаха, Мухаммада, его семьи, асхабов¹¹ и обычного вводного словосочетания **اما بعد** дается объяснение причины написания данного произведения. Сообщается, что после завоевания Хорасана, разгрома шиитов и утверждения там сунны, один из шиитских интеллектуалов направил суннитам письмо, полное упреков в их адрес. Оно было зачитано на собрании суннитских ‘улама’, на котором присутствовал и сам автор. Под впечатлением происшедшего он принял решение написать специальный труд, собрав в нем фрагменты из Корана и хадисов, освещающие похвальные качества и подвиги первых четырех халифов как неопровержимые доказательства превосходства суннизма над шиизмом.

Трактат (رسالة) состоит из предисловия (مقدمة), пяти частей (فصل) и заключения (حاتمة).

В колофоне указано время завершения труда — месяц мухаррам 997 / декабрь 1588 г. Список отразил процесс написания текста. На это, на мой взгляд, указывают и правки на полях, и не выдержанный на протяжении всего текста почерк — от более изысканного, «образцового» в первой части рукописи автор перешел к более размашистому, беглому. Представляется, что, даже если текст переписывали с первоначального варианта, он подвергался правке на этапе переписки. Этого нельзя сказать про

⁶ Мавлана — духовный авторитет, наставник.

⁷ Мадраса — учебное заведение, готовящее служителей культа.

⁸ ‘Улама’ — авторитетные знатоки теоретических и практических вопросов мусульманского вероисповедания.

⁹ Хадис — изречение пророка Мухаммада или сюжет о его деяниях.

¹⁰ ‘Алим — ед. ч. от ‘улама’.

¹¹ Асхабы — наиболее преданные и активные сторонники пророка Мухаммада.

второй список — он был явно переписан с копии, на протяжении всего текста почерк не менялся и правки не вносились. Переписчик второго трактата — Турсун Мухаммад б. Мусафир сарраф.

Неподдельный интерес вызывает факт затирки во вступительной части текста МХ (л. 2а) имени хана. Ведь именно под его руководством совершалось упомянутое завоевание Хорасана, в его адрес было направлено послание шиитского интеллектуала и по его поручению был собран цвет суннитского сообщества для обсуждения изложенной в нем позиции шиитов. Его имя явно было указано на этапе написания текста, затем было затерто, и на левом поле страницы на той же строке очень четко, несколько крупнее шрифта основного текста, выведено: ‘Абд ал — Куддūs Бахāдур-хāн. Эта личность известна по историческим источникам как брат великого хана, шибанида, ‘Абдаллаха ибн Искандара, часто упоминаемого также как ‘Абдуллахан II, или ‘Абдаллахан Узбек (прав. 991–1006/1583–1598).

В настоящее время едва ли возможно ответить на вопросы о том, когда и по какой причине подверг текст такой редакции, но понятно, что этот человек был политическим противником великого хана и сторонником его брата.

Этот факт заставляет нас более детально проанализировать ту часть текста, которая была исправлена, и с бóльшим вниманием присмотреться к религиозно-политическому фону происходивших событий, вызвавших появление этого произведения.

Итак, династ, проводивший кампанию в Хорасане, представлен в тексте следующим образом:

وهو الخاقان الكامل الأعظم ...¹² سلاطين العالم /¹³ ملجه خواقين العرب و العجم / حامي جوزة الإسلام عن الأتهدام/ ماحي آثار الظلمه والبدعه / و الضلأله من ين الأنام¹⁴ / الخاقان بن الخاقان معز السلاطين و الخلافه و الدنيا و الدين ابو الغازي¹⁵ / خلد الله تعالى ملكه و سلطانه و افاض على العالمين بره احسانه

Перевод

«...А он — хакан¹⁶ совершенный, высочайший, ...султанов [правителей], ‘алим / прибежище хаканов [из числа] арабов и персов / защитник сущности¹⁷ ислама от ниспровержения, уничтожающий следы гнета, новшеств и заблуждений этих¹⁸ людей / хакан, сын хакана, прославляющий султанов и халифов брэнного мира и веры, сражающийся за веру... [Да] продлит великий Аллах [существование] его государства и его правление и прольет на оба мира свою доброту и милость!».

Этот текст, в том числе и сама формула пожелания длительного правления, дает полное основание считать, что речь идет о *правящем* хане, каковым в тот момент мог быть только ‘Абдаллахан II.

¹² Эта страница текста имеет следы подмоченности, из-за чего невозможно определить некоторые буквы в словах.

¹³ В качестве разделителя в тексте крайне нерегулярно использован знак в виде капли, выполненный красными чернилами.

¹⁴ Своеобразная конструкция — в ряд арабских слов включено слово на фарси «بن» — «этот».

¹⁵ Имя собственное затерто.

¹⁶ Хакан — верховный правитель в тюркско-монгольской политической традиции.

¹⁷ Букв. «сердцевины».

¹⁸ Т.е. «шиитов».

Далее приводятся сведения о положительных последствиях завоеваний хана на территории Хорасана — был восстановлен порядок, распространены «шариат, истинная вера Мухаммада», и, естественно, «мазхаб людей сунны и общины», построены мечети, ставшие местами «молитвы, поклонения и богослужения», что отвратило население от «новшеств, заблуждений» и прочих напастей, возникающих из-за приверженности неверному, еретическому вероучению (л. 2а).

С этого момента сунниты в тексте характеризуются почти во всех случаях как «*اهل سنت و جماعت*» «люди сунны и общины», в то время как шииты упоминаются на всем его протяжении как «*شنيعة*» («гнусные, отвратительные») или «*رافضي*» («еретики, отступники»).

В предисловии да и в других частях текста, мулла Мир не раз указывает, что приведенные факты и материалы подчерпнуты им из авторитетных книг (*كتب معتبرة*), написанных ‘улама’ — хадисоведами (*علما حديث*) и суфийскими шайхами¹⁹ (*مشايخ صوفي*) или (*مشايخ طريقت*). Добавленное к этой части текста благопожелание «*عليهم رحمة الله*» («[Да будет] милость Аллаха над ними!») свидетельствует о том, что имеются в виду труды великого прошлого. Так, дважды делается отсылка на такие известные работы знаменитого шайха Мухаммада Парса (ум. 822/1419-20), как «*فصل الخطاب*» (л. 23б) и «*قدسياه*» (л. 29а).

Автор приводит большое число хадисов, практически каждый раз отмечая, из какого сборника они взяты. Чаще всего упомянуты «Мишкат» (т.е. «Мишкат ал-анвар» («Ниша огней») Мухиддина Ибн ‘Араби, созданный в VII/XIII в.), «Сахих» ал-Бухари («ал-Джами’ ас-Сахих»), на некоторых страницах зафиксированный дважды, и «ат-Тирмизи», упоминающийся без названия сборника, просто по его нисбе (имеется в виду «ал-Джами’ ал-кабир»). Менее всего цитируется сборник Муслима б. ал-Хаджаджа, упомянутый просто как «Муслим», без названия труда («ас-Сахих»). Передатчики отмечены, но не вся цепочка, а только ключевые фигуры, такие как Абу Хурайра, ‘Айша, ‘Умм Салма. Хадисы приводятся в оригинале, на арабском языке. Во избежание ошибочного прочтения, как правило, текст в сомнительных местах выписан четче и несколько крупнее, с огласовками и знаками чтения в редких и сложных словах, вслед за этим после слова «*يعنى*» к текстам дается перевод на фарси с необходимыми, по мнению автора, уточнениями и пояснениями. В ряде случаев объяснены основания для ниспослания того или иного коранического аята²⁰, применен метод нахождения исторического контекста появления определенных аятов — «асбаб ан-нузул»²¹.

Выбор хадиса, «открывающего» текст МХ, вполне логичен в свете задач, поставленных автором. Мулла Мир приводит известнейшее высказывание Пророка Мухаммада о том, что из 73 общин, которые появятся в исламе, спасется лишь одна (*فرقة ناجية*). Автор считает ошибочным мнение шиитов о том, что спасшейся является их община. В качестве доказательства приводятся данные о четырех суннитских мазхабах, опирающихся на истинную веру. При этом наилучшим все же признается мазхаб Абу Ханифы, получивший распространение в среде народов «Рума, Индии, Мавараннахра — полностью (*بتمام*)», а среди «народа Ирака и Хорасана — по большей части»

¹⁹ Шайх — духовный авторитет.

²⁰ Аят (букв. «чудо») — стих Корана.

²¹ Асбаб ан-нузул (букв. «причины ниспослания Откровения») — традиция нахождения исторического контекста, в котором с точки зрения традиционного ислама появились те или иные аяты Корана.

(بشتر) (л. 46). Указывается при этом, что среди последователей ханафитского мазхаба много муджахидов; только в Мавараннахре их, верных заветам Абу Ханифы, 100 000(!) (л. 46).

Первая глава МХ (л. 56–14а) посвящена Абу Бакру. В начале приведена его подробная родословная, особо разъяснено происхождение двух его почетных прозваний — «Сиддик» и «‘Атик» (л. 7а). Среди курайшитов, по мысли автора, его отличало высокое положение и наличие многочисленной собственности (در میان قریش جای کبیر و مال کثیر). Весьма похвальными считались его познания в генеалогии, толковании снов, искусстве аруза и рифмы.

В оценке деятельности Абу Бакра в МХ особое место занимает его борьба с кафирами. Такое мнение справедливо; хорошо известно, что в огромной степени благодаря стойкости и решительности именно Абу Бакру удалось предотвратить отложение племен от ислама (ар-ридда) и устранить общее смятение, охватившее общину сразу после смерти Пророка.

Хотелось бы особо обратить внимание на то, что один из сюжетов МХ связывает Абу Бакра с архангелом Джibriлем, причем в тексте нет информации о каком-либо посреднике в такой коммуникации. Известно, что сторонники Абу Бакра, бакриты, распространяли мнение о том, что, обладая особой святостью, он узнал о появлении пророка и новой религии задолго до провозглашения Мухаммадом новой веры — ислама, а его самого — пророком (Afsaruddin 1999: 331). Этот рассказ был призван закрепить авторитет Абу Бакра в общине и подтвердить исключительность его личности, как *безусловно* имевшего право на первое место в ряду праведников, окружавших Мухаммада, а значит, и на первое место среди рашидун²². Нам представляется, что и сюжет МХ с Джibriлем, который в свете классических представлений являлся посредником между Аллахом и пророками (Пиотровский 1991: 60–61), вполне соотносится со стремлением бакритов придать Абу Бакру наивысший духовный/социально-политический статус.

В этой части текста впервые встречается упоминание пещеры (غار), повторенное в дальнейшем неоднократно. Известно, что тот факт, что именно Абу Бакар был рядом с Мухаммадом, укryвшимся от врагов в пещере во время их ухода из Мекки, является одним из самых весомых доказательств его близости к Пророку и верности ему, а значит, подтверждает исключительность его положения в общине. Эта идея ярко выражена и в самом названии первой главы: «Эта глава первая из рассказа об обстоятельствах [правления] хазрата²³, руководителя *мухаджиров*²⁴ и *ансаров*²⁵, второго [среди] тех, кто [был] в пещере, источника искренности и достоинства...» (л. 5б).

Как видим, уже с первых строк, посвященных Абу Бакру, дается отсылка на ключевое событие в становлении ислама — участие в хиджре. Значимость хиджры в истории мусульманской цивилизации невозможно переоценить, ведь именно с этого

²² Рашидун (букв. «праведный») — в суннитской традиции четыре первых халифа: Абу Бакар, ‘Омар, ‘Усман, ‘Али.

²³ Хазрат (букв. «присутствие») — в исламе религиозный титул очень высокого статуса, относится к религиозным деятелям, обладающим глубокими знаниями как теоретического, так и практического характера.

²⁴ Мухаджиры — преданные сторонники пророка Мухаммада, совершившие вместе с ним хиджру, уход из Мекки в 622 г.

²⁵ Ансары — коренные жители территории, ставшей Мединой, из племен Аус и Хазрадж, которые приняли ислам и стали сподвижниками Пророка.

момента, а не, к примеру, с момента рождения Пророка или с момента начала его проповеди ведется отсчет истории в исламе (Додхудоева 2019).

Вторая глава МХ (л. 146–196) посвящена второму халифу, ‘Омару б. ал-Хаттабу. В ней появляется понятие «عدل» «справедливость» как основа завещанного Аллахом миропорядка; в дальнейшем этот концепт встречается в трактате не раз. Особое внимание уделено обширной строительной деятельности второго из рашидун, в том числе возведению ‘Омаром городов (числом 1036!) и мечетей (количеством 4000!). Красной нитью в этой части МХ проходит утверждение равенства Абу Бакра и ‘Омара в проявлениях праведности, верности Пророку и общине.

В третьей главе МХ (л. 196–23а) речь идет о халифе ‘Усмани б. ‘Аффане. И в ней также в первую очередь рассматривается его генеалогия, особо отмечается факт его женитьбы на двух дочерях Пророка, сначала на Рукайе, а затем, после ее смерти, Умм Кульсум. Указано, что это дало основание для появления его куньи — «Зу-л-нурайн» — «обладающий двойным [потоком] света». В данной главе приведены хадисы, в которых Пророк иносказательно подтверждает очередность рашидун на посту халифов: сначала Абу Бакр, потом ‘Омар, а затем ‘Усман. Стоит отметить, что в описании смерти и ‘Омара, и ‘Усмана приведены сведения о том, что ‘Али публично высоко оценил деятельность и одного, и другого халифа во благо общины (л. 15а и 18б). Мулла Мир отмечает, что правление ‘Усмана было похоже на правление ‘Омара и было прервано разразившейся фитной (ایام خلافت او مثل ایام خلافت حضرت عمر بود تا آن که فتنه ظاهر شد). Большое место в этой главе посвящено борьбе третьего из рашидун против кафи́ров и лицемеров — мунафи́ков.

Последнему из рашидун, ‘Али б. Абу Талибу, посвящена четвертая глава МХ (л. 23а–29а). И в ней также сначала приведена родословная имама, ами́ра му’минин, ‘Али б. Абу Талиба ал-Хашими ал-Макки ал-Мадини. Автор остановился на причинах наделения его двумя куньями — Абу-л-Хасан и Абу Тураб. Из личных качеств муллы Мир несколько раз отмечает его отвагу в борьбе с врагами и знание аятов и хадисов, необходимое для справедливого решения сложных вопросов.

В то же время заметим, что, видимо, под прессингом главной — идеологической — задачи работы фокус данной главы сместился с описания личностных качеств и особенностей правления ‘Али к доказательствам справедливости утвердившейся последовательности прихода к власти в халифате именно так, как это случилось в реальности, т.е. к тому факту, что ‘Али оказался четвертым из рашидун.

В этой главе очень ярко передано напряжение и смятение в общине в момент смерти Пророка, порожденное осознанием необходимости незамедлительного выбора главы общины и нарождавшегося государства. Это социальное напряжение передают не только тексты хадисов, но даже тот факт, что слово «فتنه» — «мятеж, бунт, социальные напряжение/волнения» зафиксировано 5(!) раз на одной странице всего в 15 строк. В этой части трактата приведен известный хадис со словами Пророка «انت مني و انا منك = تو از منی و من از توام» (л. 26б), утверждающий неразрывную кровную и духовную связь Мухаммада с ‘Али, что, по убеждениям шиитов, давало право ‘Али наследовать непосредственно Пророку. Однако все же бо́льшая часть материала повторяет идею неоспоримого первенства того, кто был с Мухаммадом в пещере (یارغار, букв. «друга/сотоварища пещеры»), и того, кто проводил последнее богослужение (نماز) — Абу Бакра (л. 28а). Особенностью четвертой главы стала бо́льшая представленность женщин, окружавших Мухаммада, — Фатимы, ‘Айши, Умм Салмы в качестве передатчиков информации.

Последняя, пятая глава МХ (л. 29а–31а) по содержанию и упомянутым действующим лицам и зафиксированным прецедентам во многом повторяет четвертую. В ней также поднимаются вопросы последовательности власти рашидун и особого места и роли Абу Бакра и ‘Али. Много места уделено ответу на не приведенные в МХ, но известные по другим источникам обвинения шиитов в том, что на разрешение Мухаммада провести последнее богослужение Абу Бакру повлияла ‘Айша, в доме которой проходили последние дни Пророка и в адрес которой более всего направлены стрелы критики и поношения (دشنام) шиитов в многочисленных сочинениях шиитского круга. В пятой главе МХ приводятся новые хадисы, но с тем же посылом, что и в предыдущей. В качестве примирительного мотива повторено утверждение, введенное в предыдущей главе, о том, что на каждом историческом этапе общине посылается один человек, достигший наивысшего духовного совершенства — «кутб» (قطب زمان در هر عصر). Этот прием должен был помочь читателю и оппонентам принять идею о справедливости судьбы, повлиявшей на очередность правления каждого из рашидун именно так, как это произошло.

В заключении (л. 31а–36а) подтверждается истинность взглядов людей сунны и общины на историю становления политической власти в халифате, что само по себе должно было опровергнуть идеологические установки шиитов.

«Манакиб ал-хулафа’», составленный муллой Миром, явился ответом на весьма жесткие и разнообразные вызовы эпохи, в которую он жил. Это было особое время в истории практически всех мусульманских сообществ и государств. Поляризация доктринальных и правовых установок суннитов и шиитов, нараставшая с II/VII столетия, привела к окончательному закреплению в X/XVI в. двух типов ортодоксии — суннитской и шиитской, что было спровоцировано утверждением в Иране в 907/1501 г. власти династии Сафавидов (прав. 907–30/1501–1524) на позициях шиизма. Оба типа ортодоксии претендовали на универсальность и жестко отстаивали свою правоту.

Одним из литературных жанров, разъясняющим прецеденты передачи верховной политической власти на этапе становления ислама, является «Манакиб». Считается, что «Манакиб», как и очень близкое ему направление ранней исламской литературы — «Фада’ил» («добродетели, преимущества»), появился в эпоху сложения корпуса хадисов. Хотя оба жанра часто воспринимаются как взаимозаменяемые, жанру «Манакиб» в большей мере, чем «Фада’ил», присущ полемический характер, в том числе и «диспут о прецедентах, имевших место в прошлом (سوابق, سابقه)» (Afsaruddin 1999: 329). Оба жанра были востребованы на всем протяжении истории ислама, но более всего в периоды кризисов, когда актуализация образа прошлого, его «возрождение» в массовом сознании представляет собой некую практику «мнемоистории»²⁶, имеющую отношение не к прошлому как таковому, а к тому прошлому, которое необходимо было актуализировать в свете возникавших социально-политических вызовов (Додхудоева 2011).

Факт обращения муллы Мира именно к жанру «Манакиб» в период жесткой кампании по конфессионализации и политико-правовому размежеванию, охватившей мусульманские политии Евразии, как нельзя лучше свидетельствует не только об эрудиции автора, но и глубоком понимании им «конъюнктуры политического рынка»

²⁶ Мнемоистория, по мысли разработавшего этот концепт Яна Ассмана, «исследует сюжетные линии традиции, сети интертекстуальности, диахронические преемственность и разрывы в прочтении прошлого» (Assmann 1997: 54).

своего времени. Его труд воспроизводил самые значимые для уммы моменты времени сложения тех самых политико-правовых норм, которые и обусловили такое размежевание.

Исследователи XX в. по-разному трактовали причины жесткой схватки разных политических сил за Хорасан. Первоначальная тенденция видеть в этой борьбе проявление только конфессиональной поляризации сменилась желанием признавать лишь экономические интересы противоборствующих сторон, стремившихся получить власть над Хорасаном, как регионом высоко развитых и доходных торговли, сельского хозяйства, ремесел, налаженного пути в хаджж (Comstock-Skipp 2015: 7–9). Мне представляется, что для получения полноценной картины рассматривать эту проблему необходимо, принимая во внимание оба мотива — и религиозно-политический, и экономический.

Военные действия династии неочингизидов — Шибанидов²⁷ в Хорасане, начинавшиеся как единичные набеги еще с начала X/XVI в. (Szuppe 1992: 149–164), к концу столетия приобрели характер хорошо организованных военных операций по осаде городов и принуждению противника к сдаче на кабальных для него условиях²⁸. Самым длительным блокадам подверглись Герат (9 и 11 месяцев) и Машхад (4 и 6 месяцев) (Qatghan 2006; Farhat 2014: 210). Выбор этих городов с целью захвата и утверждения собственной власти вполне логичен в свете политических задач Шибанидов. Захват Герата, бывшей столицы султаната просвещенных Шахрухидов — Тимуридов, оказавших огромное влияние на развитие символического, преобразованного в политический, капитала постмонгольского исламского мира, означал победу в жесточайшей борьбе за наследие Тимура, которая развернулась между разными политическими силами сразу после его смерти. Машхад, с V/XI в. ставший местом паломничества и шиитов, и суннитов к могиле восьмого шиитского имама ‘Али ар-Рида (ум. 203/818), был важен и в период правления Тимуридов, и при новых обстоятельствах. Известно, как много внимания уделял Шахрух (прав. 779–851/1377–1447) Машхаду как городу экуменического значения и оттого важнейшему инструменту в политической игре (Додхудоева 2003: 116–117). В процессе укрепления власти Сафавидов город приобретал все бóльшую роль «сокровищницы, сберегающей харизматическую власть» в легитимации валайя (духовного авторитета) 12 шиитских имамов (Farhat 2014: 203). Борьба за контроль над обоими городами и идеологически, и экономически была чрезвычайно важна для обеих противоборствующих сторон.

Судя по дате, приведенной в МХ, автор имеет в виду события, связанные с девяностою осадой Герата. После утверждения контроля над этим городом ‘Абдуллахан II планировал пойти на Машхад. Но в это время ему пришло известие о намерении могольского правителя Акбара (948–1013/1542–1605) напасть на Бухару, и хан поспешил вернуться в свою столицу (Васильев 2014: 76–77).

Среди эпитетов, прославляющих хана во вводной части МХ, есть и особый — «ابوالغازي», подтверждающий его активное участие в газавате. Вопрос о проявлениях религиозной жестокости — ключевой в понимании истории религии. Для обозначения

²⁷ Правильное написание названия династии — Шибаниды, поскольку они вели свое происхождение от Шибана, четвертого сына Джучи, старшего сына Чингизхана (Кляшторный, Султанов 2000: 3; Bosworth 1996: 288; McChesney 2000: 428–430).

²⁸ Анализируя сведения иранских и мавараннахрских источников, О.Ф. Акимушкин пришел к выводу, что за это время Шибанидами было проведено в Хорасане не менее 21 военной операции различного характера (Акимушкин 2004: 380, примеч. 4).

ния действий, манифестирующих ее, в средневековом исламе использовались разные понятия: газва/газа, катл, фатх, джихад (подробно рассмотрены: Afsaruddin 2016; Albarrán 2018; 2020). Наибольшую известность получили два концепта — «джихад» и «газа/ газават».

Глубокое изучение этих, казалось бы, синонимов, или весьма близких по значению терминов, проведенное в последнее время (Darling 2011; Albarrán 2018; 2020), показало их трансформацию под влиянием событий глобальной истории V/XI–X/XVI вв.

Так, выявлено, что за время Крестовых походов термин «джихад», первоначально обозначавший наступательные военные операции, направленные вовне мусульманской политики, постепенно стал означать оборонительные военные действия внутри нее (Darling 2011: 14). Весьма значимую эволюцию прошел термин «газа/газават». Если первые случаи его фиксации связаны с обозначением набегов племен с целью одномоментного захвата добычи, то со временем он превратился в один из важнейших конституирующих концептов государственной идеологии и идентичности.

Примеры ярчайшей демонстрации процесса отказа от восприятия термина «газа» как акции в рамках норм трайбализма и перехода к обозначению им религиозной обязанности правителя дает история Османской Турции (699/1299–1342/1923). Впервые термин «гази» («борец за веру») ²⁹ как производное от «газа/газават» был использован в форме «سلطان الغازين» («Султан газиев») в титулатуре Орхона (724–764/1324–1362), сына Османа I (ум. 724/1324). С усилением экспансионистской политики Османов термин «газа» и производные от него все больше выражали идеологию завоеваний и в риторике правителей, и в быстро увеличивавшейся в объеме литературе, в частности, в многочисленных «Газават-нама», наводнивших книжный рынок в конце VIII/XIV — начале IX/XV в. (Inalcik 2008: 28). Значимость этого концепта в понимании «священная война» в IX/XV в. была настолько велика, что, по мнению ряда ученых, именно он определял идентичность Османов, перевесив все остальные ее (идентичности) смысловые и ценностные компоненты (Darling 2011: 50–51).

За рамками нашей статьи остался вопрос взаимодействия Шибанидов и Османов в процессе конфессионализации и, соответственно, совместных военных действий в проведении «священной войны» с шиизмом; это — тема другой нашей работы. Отметим лишь, что это взаимодействие было чрезвычайно интенсивным и в военной, и в политико-правовой сферах, что дает основание предположить развитие той же тенденции в трансформации понятий, сопряженных с концепциями «священной войны» и узаконенной религиозной жестокости и у Шибанидов.

Хотела бы подчеркнуть при этом, что утверждение этой тенденции могло быть связано, на мой взгляд, не только с распространением «идеологической моды» в процессе конфессионализации и с процессом оседания кочевников, требовавшим все большего отказа от отдельных форм повседневной практики трайбализма и перехода к мировосприятию с позиций монотеистической религии (Darling 2011) ³⁰. Мне пред-

²⁹ Об использовании термина Сельджуками, правление которых являлось образцом для Османов (Paul 2003).

³⁰ К сожалению, исследования религиозно-политического вокабуляра мавараннахрских политий за столь длительный период отстают от анализа этого вопроса на примере Османской империи или ал-Андалузии. И хотя высокая степень общности политических установок, поразительная мобильность исламских интеллектуалов и распространенность их трудов безусловно способствовали формированию схожих тенденций в интеллектуальной сфере, для создания полной картины происшедшего в среднеазиатских ханствах необходимы более точные данные социально-экономического характера.

ставляется, что процесс оседания, который, по мнению Ю. Пауля (2003), представляет собой сложный и до конца не исследованный процесс перехода от дистрибуции к аккумуляции продукта, проходил в Мавараннахре³¹ гораздо медленнее, чем в империи Османов. По моему мнению, это было связано с огромным числом кочевников, пришедших в регион, и вызванными их действиями масштабными потерями в экономическом развитии региона (Мукминова 1985; McChesney 2004). Возникшее вследствие этого социально-экономическое отставание, по-видимому, не могло быть преодолено в период правления Шибанидов, занявший менее ста лет.

На мой взгляд, в свете рассматриваемого вопроса это может свидетельствовать о том, что использование компонента «газа/газават» в титулатуре ханов в Мавараннахре означало чрезвычайно высокий статус верховного правителя не только в трактовке событий на внешнем контуре ханства, но и в свете принципов внутреннего управления. Военные действия под руководством хана или представителей правящего клана объединяли армию, возрождая сущностные символы кочевого сообщества и «работая» на легитимацию образа праведного правителя-чингизида. И в этом смысле, как верно подметил Х. Албарран, концепция «священной войны» представляет собой идеологию оправдания насилия, действующую как дискурсивный инструмент, апеллирующий к священным элементам, принятым и разделяемым теми, кому она адресована (Albarrán 2018: 118).

Жесткие военные действия Шибанидов в Хорасане требовали идеологической поддержки «улама». В период острой политической борьбы за власть суннитские «улама» Самарканда и Герата приняли фатву, согласно которой была разрешена продажа шиитов в рабство (McChesney 1996: 232), браки с ними переводились в категорию макрух (недозволенного) в связи с тем, что шиизм был объявлен вне подлинной веры, а Хорасан — «Дар ул-харб» (Мухтаров 1991). Понятно, что такое «узаконенное насилие» развязывало руки пришлым воинам и привело к потоку насильно угнанных из Хорасана рабов, в большом количестве оказавшихся в городах среднеазиатских ханств, в частности в Хоразме, превратившимся в самый большой невольничий рынок в регионе (Bregel 1992). Справедливости ради следует указать, что факты крайней жестокости отмечены в источниках с обеих сторон.

Хотя у нас нет оригинального текста послания шиитского интеллектуала шибанидскому хану, в ответ на который был создан МХ, знакомство с нашим текстом позволяет представить, какие болевые точки в диспуте о праве на верховную власть были особенно чувствительны для обеих сторон. По другим источникам выявлено, что особое негодование суннитов в действиях шиитов вызывали: 1) публичное проклятие трех халифов времени жизни «Али б. Абу Талиба — Абу Бакра, «Омара и «Усмана; 2) официальное выражение глубокого почитания дочери Мухаммада — Фатимы и членов ее семьи, в первую очередь «Али, т.е. утверждение наследственного принципа передачи власти, порицание жены Мухаммада — «Айши, посмевавшей усомниться в верности этого принципа и достоинствах «Али как халифа; 3) различие в призыве

³¹ По оценке Ю. Брегеля, по масштабу завоевания Шейбанихана, количеству задействованных в нем масс кочевников и продолжительности влияния этой волны номадизации на развитие Центральной Азии оно намного превосходило монгольское. К тому же если часть племен и народов, участвовавших в монгольских завоеваниях, ушла обратно в Монголию, то этого не произошло после завоеваний Шейбанихана. Пришедшие на этой волне огромные массы кочевых народов остались и закреплялись на завоеванных территориях, вытесняя при этом жившие там народы (Bregel 1980). Об этом также (Holzwarth 2006).

к молитве и надписях на монетах правителей; 4) различия в положении рук при молитве; 5) различия в допустимых деталях внешнего вида (McChesney 1996: 257, f. 3).

Известно, что первым, кто обратил внимание на опасность раскола уммы из-за своевольной трактовки «сабакат»³², связанных с рашидун, был имам Абу Ханифа (80/699–150/767). Он, а вслед за ним и мурджииты³³ считали необходимым сохранить *равное* почтение ко всем четырем халифам как сущностный элемент единства уммы. При этом имам ‘азам призывал с особым вниманием относиться к фактам, отражающим достоинства Абу Бакра и ‘Али, а также к прецедентам исторических событий, связанным именно с этими двумя персонами, поскольку такой комплекс сведений затрагивал ключевой для развития общины вопрос о первостепенности права на халифат-имамат (Afsaruddin 1999: 332).

Показательно, что один из наиболее известных учеников имама, Мухаммад аш-Шайбани (ум. 189/805), развил концепцию о «четыре мечах», переданных Мухаммаду Аллахом для борьбы за веру, она имеет хождение и в наши дни. Первым мечом воспользовался сам Мухаммад в борьбе с многобожниками, второй меч пригодился Абу Бакру в схватках с вероотступниками, третий помогал ‘Омару в сражениях против «Людей Писания»³⁴, и, наконец, четвертый меч был задействован ‘Али в борьбе против бунтарей (Albarrán 2018: 114). Мы видим, как через указание разных врагов, выступавших против ислама в различные периоды, эта концепция передает собственно историю защиты ислама посредством жестких ответов на грозные вызовы, вставившие перед нарождавшимся государством (хиджра — ар-ридда-фатх-фитна).

В нашей рукописи самое большое внимание, как и призывает Абу Ханифа, уделено Абу Бакру и ‘Али; главы, посвященные им, — самые большие (8 и 6 листов соответственно), к тому же пятая обобщающая глава фактически также полностью посвящена им. Отметим, что в целом знакомство с текстом оставляет у читателя ощущение, что симпатии/почтение автора — на стороне Абу Бакра, а не ‘Али, что, конечно, не выражено явно. При этом понятно, что такое отношение не связано с культом личности ‘Али в шиизме. Мулла Мир явно подводит читателя к мысли о том, что вопрос о первенстве в ряду рашидун неизбежно поднимает проблему принципа передачи высшей политической власти (либо выборного, либо наследственного) и имеет прямое отношение к современной ему ситуации.

Известно, что приход к власти ‘Абдуллахана II был связан с нарушением принятого у Шибанидов принципа передачи верховной власти только по старшинству в роде.

³² Сабакат — прецедент; то, что произошло ранее.

³³ Мурджииты (от араб. المرجئة, «те, кто откладывает») — одна из ранних сект в исламе, основное отличие которой от суннитов заключается в расхождении в вопросах определения веры-имана. Они придерживались мнения о том, что только Бог имеет право судить о вере или отступничестве мусульманина. Поэтому мусульмане должны практиковать откладывание (iṭjā) осуждения лиц, совершивших серьезные грехи, и не выдвигать обвинения в неверии (takfir) или наказывать любого, кто исповедовал ислам согласно своему пониманию о чистой вере.

³⁴ «Люди Писания» — этим термином в Коране названы народы/общины, которым было ниспослано богооткровенное Писание. Это прежде всего иудеи (Тора), христиане (Евангелие) что отличало их от язычников. К ним в отдельных случаях причислялись и сабии, и зороастрийцы, хотя эта информация весьма противоречива. Представители этих общин исказили подлинный смысл ниспосланного Откровения, что послужило причиной начала пророческой миссии Мухаммада, призванного внести исправления в эти неверные версии Божественных установок. Политические вызовы разного времени приводили к разным типам отношений с этими общинами. В нашем тексте речь идет об отстаивании верности Откровения, переданного пророком Мухаммадом и на поле боя, и в полемике с представителями общин «Людей Писания».

Очевидно, с целью недопущения нарушения этой нормы в 918/1512-13 г. было введено понятие «каалга» («преемник»). Однако при интронизации ‘Убайдуллахана этот принцип был нарушен, поскольку, по сведениям источников, признание его военного таланта перевесило все аргументы в пользу передачи власти по праву наследования. Нарушил этот принцип, при решающей поддержке джуйбарских шайхов, и ‘Абдуллахан II. Согласно источникам, он признал: «Правила и обычаи Чингизхана таковы, что, кто старше годами, именем того украшают хутбу и монеты», *«однако по шариату, согласно ханифитского толка», государь должен быть справедливым и поборником веры* (Салахетдинова 1987: 144)³⁵.

Практически все исследователи истории династии Шибанидов отмечают, что в правление ‘Абдуллахана II были достигнуты определенные успехи в преодолении центробежных тенденций в среде кочевых племен, максимально расширены границы государства, осуществлены широкомасштабные проекты по благоустройству территории ханских владений. В то же время документально подтверждено, что все эти позитивные изменения были достигнуты в результате огромных усилий хана по противодействию его начинаниям даже в ближнем круге кочевой знати. Так, источники донесли до нас информацию о претензиях его сына ‘Абд ал-Му’мина на ханский престол; он планировал повторить маневр своего отца по отношению к его отцу — Искандархану, придав власти отца лишь номинальный характер, а самому стать реально правящим верховным ханом (Bregel 1986).

Хорошо известно, как велико было участие непосредственных родственников ‘Абдуллахана II, ‘Абд ал-Му’мина, и его брата, упомянутого на л. 2а нашей рукописи, ‘Абд ал-Куддуса, в военных кампаниях в Хорасане, а в более ранний период в борьбе за укрепление власти этого клана Шибанидов и в Мавараннахре (Хафиз-и Таныш 1983). Однако особенности социального поведения в среде кочевой знати, как блистательно показала Б. Манз на примере окружения Тимура, приводили к тому, что в условиях постоянной междинастийной борьбы правители зачастую были заинтересованы в направлении наиболее амбиционных фигур из собственного окружения в военные кампании за пределами государства. Такое дистанцирование от центра верховной власти значительно ограничивало возможности претендентов на создание альтернативных центров политического влияния (Manz 1988; 2007). Поэтому привлечение ‘Абд ал-Му’мина отцом в хорасанские кампании 990–1006/1583–1598 гг. представляется вполне соотносимым с подобной тактикой (хотя в качестве объяснения в источниках приводятся сведения о том, что в это время сам хан боролся за контроль над Хоразмом). А та правка, которую внес читатель(?) на л. 2а, свидетельствует о наличии и у брата верховного хана собственных амбиций и группы поддержки.

В этих условиях ставка на городское религиозное, по преимуществу суннитское, сообщество как надежного социального партнера приобретала для пришлой кочевой элиты двойную ценность. С одной стороны, поддержка и водительство мусульманской элиты значительно облегчали новым правителям легитимацию власти в свете основных положений шариата, с другой — городская религиозная страта становилась своеобразным противовесом в весьма непростых отношениях с соплеменниками.

Независимые факихи³⁶ и ‘улама’, формально не связанные с государственными структурами, являясь «единственной объединяющей и организующей силой города»

³⁵ О весьма скептическом отношении кочевников к приверженности чингизидской аристократии исламским правовым нормам см. (Melville 2016: 322).

³⁶ Факих — исламский богослов-законовед, знаток фикха.

(Lapidus 1969: 73–74), обладали реальными рычагами влияния на социум. Эта страта воспринималась носителем и хранителем священного знания (‘илм). Умение ее представителей находить обоснование любому событию текущей политики в хитросплетениях сакральной мусульманской традиции делало их неоценимыми помощниками правителей в процессе придания легитимности их власти. Совершенно особое место в социальной иерархии Мавараннахра в постмонгольский период стали занимать группы суфиев, переживших процесс институционализации, формирования братств/тарики³⁷ суфиев, скрепленных авторитетом шайха-основателя, единой подвижнической ритуальной и социальной практикой, образом жизни, морально-этическими установками и неуклонно усиливавшейся тенденцией создания и укрепления собственной независимой экономической базы.

В свете этого обращает на себя внимание тот факт, что оба случая нарушения принципа наследственной передачи верховной власти в истории Шибанидов связаны именно с ‘Убайдуллаханом и ‘Абдуллаханом II, известными своим теснейшим взаимодействием с наиболее социально активными представителями из числа ‘улама’ и суфиев. Показательно, что последние к тому же, как правило, принадлежали транснациональному и трансконфессиональному экуменическому сообществу саййидов, значимость которого в политической жизни мира ислама невозможно переоценить. В источниках, описывающих историю возвышения и правления этих ханов, мы находим много имен интеллектуалов такого уровня в окружении и одного, и другого хана. Но даже ограничившись упоминанием представителей двух поколений только одного семейства религиозных деятелей того времени — ал-Хусайни ал-Санауджиради ал-Зиййаратгахи ал-Харави, оказавшихся рядом с этими ханами, мы осознаем подлинную цену союза кочевых правителей и «людей сунны и общины» в решении проблем эпохи исключительной политической турбулентности.

Чрезвычайно высокая степень востребованности городской религиозной элиты со стороны пришлых кочевых правителей, обусловленная маргинальностью положения последних при обладании ими мощного материального капитала и значительных человеческих и военных ресурсов, совпала с весьма жесткими вызовами, стоявшими перед самим сообществом и его духовными лидерами. «Манакиб ал-хулафа’» муллы Мира вобрал в себя большой объем уникальной информации, восполняющей наше понимание инструментов и ресурсов управления государством в период, предшествовавший модерну, жестко потребовавшему принятия иных принципов государственного управления. Дискурс о прецедентах эпохи рашидун, пройдя децентрализацию, нашел отражение в политической истории другого времени и другого региона.

В данной статье представлены предварительные результаты изучения текста указанного сочинения. Рамки статьи позволили нам высветить в сочинении только феномен возрождения сакральной истории ислама в кризисный для общины момент. Однако очевидно, что это всего лишь одно из направлений восприятия имеющихся в трактате «Манакиб ал-хулафа’» муллы Мира сведений. Содержащий коранические аяты, хадисы, сюжеты с описанием сновидений, этот уникальный образец полеми-

³⁷ Тарика (букв. «дорога, путь»; в переносном смысле — «путь к истине») — морально-психологические методы самосовершенствования в суфизме. С течением времени так стали называться суфийские братства, которые в постмонгольское время превратились в относительно централизованные иерархические организации с определенным уровнем внутренней дисциплины, набором морально-этических положений и психологических приемов, а также принципов и норм репрезентации в общественной жизни.

ческой литературы конца X/XVI в., времени жесткого противостояния двух ортодоксий в исламе, достоин самого внимательного изучения и публикации, которая безусловно обогатит корпус источников, раскрывающих мировидение человека того времени.

Литература

- Акимушкин 2004 — *Акимушкин О.Ф.* Библиотека Шибанидов в Бухаре XVI в. // Средневековый Иран. Культура, история, филология. СПб.: Наука, 2004. С. 368–382.
- Васильев 2014 — *Васильев А.Д.* Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI — начало XX в.). М.: Пробел-2000, 2014.
- Додхудоева 2003 — *Додхудоева Л.Н.* Тимуриды: тенденции политического, социального и экономического развития. Душанбе, 2003.
- Додхудоева 2011 — *Додхудоева Л.Н.* Проблема узурпации политической власти в теории и практике суннизма домонгольского периода // Центральная Азия. Традиции и современность. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 141–153.
- Додхудоева 2019 — *Додхудоева Л.Н.* Об особенностях актуализации концепта «Хиджра» в социо-политическом пространстве постмодерна (1399–1435/1979–2014) // *Minbar. Islamic Studies*. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 811–832 [<https://www.minbar.su/jour/article/view/672>].
- Додхудоева 2020 — *Додхудоева Л.Н.* Манускриптология в Таджикистане: новый век — новый этап в каталогизации рукописей // Современное состояние изучения истории, искусства и культуры в Таджикистане. Сб. ст. межд. круглого стола. Сентябрь 2019 г., Душанбе. Стамбул: ИРСИКА, 2020. С. 123–146.
- Кляшторный, Султанов 2000 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.
- Мукминова 1985 — *Мукминова Р.Г.* Социальная дифференциация населения городов Узбекистана в XV–XVI вв. Ташкент: Фан, 1985.
- Мухтаров 1991 — *Мухтаров А.М.* Отношение духовенства Мавераннахра к утверждению шиизма официальной религией Ирана // Известия АН Республики Таджикистан. Серия востоковедение, история, филология. 1991. Вып. 4(24). С. 60–66.
- Пиотровский 1991 — *Пиотровский М.Б.* Джибрил // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 60–61.
- Салахетдинова 1987 — *Салахетдинова М.А.* Престолонаследие у Шейбанидов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Доклады и сообщения. Ч. I. М.: Наука, 1987. С. 142–145.
- Хафиз-и Танъш 1983 — *Хафиз-и Танъш ибн Мир Мухаммад Бухари.* Шараф-нама-ни шахи (Книга шахской славы). Факсимиле рукописи D 88 / Перевод с персидского, введение, примеч. и указатели М.А. Салахетдиновой. Ч. I. М.: Наука, 1983.
- Afsaruddin 1999 — *Afsaruddin Asma.* In Praise of the Caliphs: Re-Creating History from the Manaqib Literature // *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 31. No. 3 (Aug., 1999). P. 329–350.
- Afsaruddin 2016 — *Afsaruddin Asma.* Jihad and Martyrdom in Islamic Thought and History // *Oxford Research Encyclopedia. Religion*. 2016. P. 1–31.
- Albarrán 2018 — *Albarrán Javier.* The Jihād of the Caliphs and the First Battles of Islam: Memory, Legitimization and Holy War, from Cordoba to Tinmal // *Al-‘Uṣūr al-Wuṣṭā*. 2018. Vol. 26. P. 113–150.
- Albarrán 2020 — *Albarrán Javier.* The Discourses of Holy War and the Memory of the First Battles of Islam. Al-Andalus, 10th–13th centuries // *Medievalista*. Julho-Dezembro. 2020. No. 28. P. 436–458.

- Assmann 1997 — *Assmann Jan*. Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997.
- Bosworth 1996 — *Bosworth Clifford*. The New Islamic Dynasties: A Chronological and Genealogical Manuel. New York: Columbia University Press, 1996.
- Bregel 1980 — *Bregel Yuri*. The Role of Central Asia in the History of the Muslim East // Occasional Paper No. 20. Institute of Asian and African Affairs. The Hebrew University of Jerusalem. New York, 1980. P. 1–15.
- Bregel 1986 — *Bregel Yu*. Abdallah Khan B. Eskandar // Encyclopædia Iranica. 1986. Vol. I/2. P. 198–199.
- Bregel 1992 — *Bregel Yuri*. Central Asia vii. In the 18th–19th Centuries // Encyclopædia Iranica. 1992. Vol. V. Fasc. 2. P. 193–205.
- McChesney 1996 — *McChesney Robert*. “Barrier of Heterodoxy”? Rethinking the Ties between Iran and Central Asia in the 17th Century // Safavid Persia. The History and Policy of an Islamic Society / Ed. by Ch. Melville. London; New York, 1996. P. 231–267.
- McChesney 2000 — *McChesney Robert*. Shibanids // Encyclopedia of Islam. New ed. Vol. 9. Leiden: Brill, 2000. P. 428–430.
- McChesney 2004 — *McChesney Robert*. Central Asia xi. Economy from the Timurids until the 18th Century // www. Encyclopædia Iranica. 2004. Vol. V. Fasc. 2. P. 216–221.
- Comstock-Skipp 2015 — *Comstock-Skipp Jaimee*. Heroes of Legend, Heroes of History: Militant Manuscripts of the Shaybanid Uzbeks in Transoxiana. MA Thesis, The Courtauld Institute of Art, 2015.
- Darling 2011 — *Darling Linda*. Reformulating the Gazi Narrative: When was the Ottoman State a Ghazi State? // Turcica. 2011. Vol. 43. P. 13–53.
- Farhat 2014 — *Farhat May*. Shi’i Piety and Dynastic Legitimacy: Mashhad under the Early Safavid Shahs // Iranian Studies. 2014. Vol. 47(2). P. 201–216.
- Holzwarth 2006 — *Holzwarth Wolfgang*. The Uzbek State as Reflected in Eighteenth-Century Bukharan Sources // Asian Studies. 2006. No. 60/2. P. 342–346.
- Inalcik 2008 — *Inalcik Halil*. The Origins of the Classical Ottoman Literature: Persian Tradition, Court Entertainments and Court Poets // Journal of Turkish Literature. 2008. Vol. 5. P. 5–76.
- Lapidus 1969 — *Lapidus Ira*. Muslim Cities and Muslim Societies // Middle Eastern Cities. A Symposium on Ancient Islamic and Contemporary Middle Eastern Urbanism / Ed. by I. Lapidus. Berkeley; Los Angeles, 1969. P. 47–79.
- Maḥmūd b. Walī — *Maḥmūd b. Walī*. Baḥr al-asrār. Ms. London British Library, India Office 575.
- Manz 1988 — *Manz Beatrice*. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Manz 2007 — *Manz Beatrice*. Power, Politics and Religion in Timurid Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Melville 2016 — *Melville Charles*. The End of the Ilkhanate and After: Observations on the Collapse of the Mongol World Empire // The Mongols’ Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran. Leiden: Brill, 2016. P. 309–335.
- Nithārī Bukhārī 1969 — Khwāja Bahā al-Dīn Hasan Nithārī Bukhārī. *Mudhakkir-i Aḥbāb* (“Remembrancer of Friends”) / Ed. by Syed Muḥammad Fazlullah. New Delhi: Ministry of Education; Hyderabad: Da’iratu’l-Ma’arif Press, 1969.
- Paul 2003 — *Paul Jurgen*. The State and the Military — a Nomadic Perspective // Militär und Staatlichkeit. I. Schneider ed. Halle: Orientalwissenschaftliches Zentrum der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2003. P. 25–68.
- Qatghan 2006 — *Qatghan Muhammad Yar Ibn ‘Arab*. Musakhir al-Bilad (The History of Shaybanids) / Ed. by Nadiri Jalali. Tehran: Mirasi Maktub, 2006.
- Szuppe 1992 — *Szuppe Maria*. Le Khorasan aux XIV–XVI siècles: La littérature savante comme expression de l’Unité avec la Transoxiane. Roma: Atti DEI Convegna Lincei. 127, 1992.
- Zinda ‘Alī — *Zinda ‘Alī*. Tamarāt al-mashāyikh (Bukhara 1101 h./1690), Ms. Tashkent Biruni Institute Ms.2619 (and Ms. 1336).

References

- Akimushkin O.F. “Biblioteka Shibanidov v Bukhare XVI v.” [A Library of the Shibanids in Bukhara]. In: *Srednevekovyi Iran. Kul'tura, istoriia, filologiya* [Middle Ages Iran. Culture, History, Philology]. St. Petersburg: Nauka, 2004, pp. 368–382 (in Russian).
- Afsaruddin, Asifa. “Jihad and Martyrdom in Islamic Thought and History”. In: *Oxford Research Encyclopedia. Religion*, 2016, pp. 1–31 (in English).
- Afsaruddin, Asifa. “In Praise of the Caliphs: Re-Creating History from the Manaqib Literature”. *International Journal of Middle East Studies*, vol. 31, no. 3 (Aug., 1999), pp. 329–350 (in English).
- Albarrán, Javier. “The Discourses of Holy War and the Memory of the First Battles of Islam. Al-Andalus, 10th–13th centuries”. *Medievalista*, no. 28. Julho-Dezembro, 2020, pp. 436–458 (in English).
- Albarrán, Javier. “The Jihād of the Caliphs and the First Battles of Islam: Memory, Legitimization and Holy War, from Cordoba to Tinmal”. *Al-'Uṣūr al-Wuṣṭā*, 2018, vol. 26, pp. 113–150 (in English).
- Assmann, Jan. *Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997 (in English).
- Bosworth C. *The New Islamic Dynasties: A Chronological and Genealogical Manuel*. New York: Columbia University Press, 1996 (in English).
- Bregel, Yuri. “The Role of Central Asia in the History of the Muslim East”. *Occasional Paper No. 20. Institute of Asian and African Affairs*. The Hebrew University of Jerusalem. New York, 1980, pp. 1–15 (in English).
- Bregel, Yuri. “Abdallah Khan b. Eskandar”. In: *Encyclopædia Iranica*, 1986, vol. I/2, pp. 198–199 (in English).
- Bregel, Yuri. “Central Asia vii. In the 18th–19th centuries”. In: *Encyclopaedia Iranica*, 1992, vol. V, fasc. 2, pp. 193–205 (in English).
- McChesney, Robert. “Barrier of Heterodoxy”? Rethinking the Ties between Iran and Central Asia in the 17th Century”. In: *Safavid Persia. The History and Policy of an Islamic Society*. Ed. by Ch. Melville. London–New York, 1996, pp. 231–267 (in English).
- McChesney, Robert. “Central Asia xi. Economy from the Timurids until the 18th Century”. *Encyclopedia Iranica*, 2004, vol. V, fasc. 2, pp. 216–221 (in English).
- McChesney, Robert. “Shibanids”. In: *Encyclopedia of Islam*. New ed., vol. 9. Leiden: Brill, 2000, pp. 428–430 (in English).
- Comstock-Skipp, Jaimee. *Heroes of Legend, Heroes of History: Militant Manuscripts of the Shaybanid Uzbeks in Transoxiana*. MA Thesis, The Courtauld Institute of Art, 2015 (in English).
- Darling, Linda. “Reformulating the Gazi Narrative: When was the Ottoman State a Ghazi State?”. *Turcica*, 2011, vol. 43, pp. 13–53 (in English).
- Dodkhudoeva L.N. *Timuridy: tendentsii politicheskogo, sotsial'no i ekonomicheskogo razvitiia* [The Timurids: Tendencies of Political, Social and Economic Development]. Dushanbe, 2003 (in Russian).
- Dodkhudoeva L.N. “Problema uzurpatsii politicheskoi vlasti v teorii i praktike sunnizma domongol'skogo perioda” [The Problem of Usurpation of Political Power in the Theory and Practice of Sunnism of the Pre-Mongol Period]. In: *Tsentral'naia Aziia. Traditsii i sovremennost'* [Central Asia. Traditions and Modernity]. Moscow, 2011, pp. 141–153 (in Russian).
- Dodkhudoeva L.N. “Ob osobennostiakh aktualizatsii kontsepta “Khidzhra” v sotsio-politicheskom prostranstve postmoderna (1399–1435/1979–2014)” [On the Peculiarities of Actualization of the Concept of “Hegira” in the Social and Political Postmodern World (1399–1435/1979–2014)]. *Minbar. Journal of Islamic Studies*. Moscow, 2019, vol. 12, (issue 3), pp. 811–832. <https://www.minbar.su/jour/article/view/672> (in Russian).
- Dodkhudoeva L.N. “Manuskriptologiya v Tadjikistane: novyi vek — novyi etap v katalogizatsii rukopisei” [Manuscript Studies in Tajikistan: A New Century — A New Stage in the Cataloging of Manuscripts]. In: *Sovremennoe sostoianie izucheniia istorii, iskusstva i kul'tury v Tadjikistane*

- [Contemporary Studies of the Tajikistan History, Art and Culture]. Sb. st. mezhd. kruglogo stola, sentiabr' 2019 g. Dushanbe–Istanbul: IRCICA, 2020, pp. 123–146 (in Russian).
- Farhat, May. “Shi'i Piety and Dynastic Legitimacy: Mashhad under the Early Safavid Shahs”. *Iranian Studies*, 2014, vol. 47(2), pp. 201–216 (in English).
- Holzwarth, Wolfgang. “The Uzbek State as Reflected in Eighteenth-Century Bukharan Sources”. *Asian Studies*, 2006, no. 60/2, pp. 342–346 (in English).
- Inalcik H. “The Origins of the Classical Ottoman Literature: Persian Tradition, Court Entertainments, and Court Poets”. *Journal of Turkish Literature*, 2008, vol. 5, pp. 5–76 (in English).
- Khafiz-i Tanysh ibn Mir Mukhammad Bukhari. *Sharaf-nama-ni shakhi (Kniga shakhsokoi slavy)* [The Book of Shah's Glory]. Faksimile rukopisi D 88. Perevod s persidskogo, vvedenie. primechaniia i ukazateli M.A. Salakhedinovoi [Faximile of the Manuscript D 88. Translation from Persian, Introduction, Remarks and Indices by M.A. Salakhedinova]. Part 1. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian).
- Kliashturnyi S.G., Sultanov I.T. *Gosudarstva i narody Evraziiskikh stepei. Drevnost' i srednevekov'e.* [The States and Peoples of Eurasian Steppes. Antiquity and the Middle Ages]. St. Petersburg: Peterburgskoie Vostokovedenie, 2000 (in Russian).
- Lapidus I. “Muslim Cities and Muslim Societies. Middle Eastern Cities”. In: *A Symposium on Ancient Islamic and Contemporary Middle Eastern Urbanism*. Ed. by I. Lapidus. Berkeley–Los Angeles, 1969, pp. 47–79 (in English).
- Mahmūd b. Walī. *Bahr al-asrār*. Ms. London: British Library, India Office 575 (in Persian).
- Manz, Beatrice. *The Rise and Rule of Tamerlane*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988 (in English).
- Manz, Beatrice. *Power, Politics and Religion in Timurid Iran*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007 (in English).
- Melville, Charles. “The End of the Ilkhanate and After: Observations on the Collapse of the Mongol World Empire”. In: *The Mongols' Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran*. Leiden: Brill, 2016, pp. 309–335 (in English).
- Mukhtarov A.M. “Otnoshenie dukhovenstva Maverannakhra k utverzheniiu shiizma ofitsial'noi religiei Irana” [The Attitude of Transoxiana's Clergy towards the Establishment of Shiism as the Official Religion of Iran]. *Izvestiia AN Respubliki Tadjikistan. Seria vostokovedenie, istoriia, filologiya* [News of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. A Series of Oriental Studies, History, Philology], 1991, vol. 4(24), pp. 60–66 (in Russian).
- Mukminova R.G. *Sotsial'naia differentsiatsiia naseleniia gorodov Uzbekistana v XV–XVI vv.* [Social Differentiation of the Population of Cities of Uzbekistan in the 15th to 16th Centuries]. Tashkent: Fan, 1985 (in Russian).
- Khwāja Bahā al-Dīn Hasan Nithārī Bukhārī. *Mudhakkir-i Ahbāb* [“Remembrancer of Friends”]. Ed. by Syed Muḥammad Fazlullah. New Delhi: Ministry of Education — Hyderabad: Da'iratu'l-Ma'arif Press, 1969 (in Persian).
- Paul, Jürgen. “The State and the Military — a Nomadic Perspective”. In: *Militär und Staatlichkeit. I. Schneider ed. Halle: Orientwissenschaftliches Zentrum der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg*, 2003, pp. 25–68 (in English).
- Piotrovskii M.B. “Dzhibril” [Jibril]. In: *Islam. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Nauka, 1991, pp. 60–61 (in Russian).
- Qatghan Muhammad Yar Ibn 'Arab. *Musakhir al-Bilad* [The History of Shaybanids]. Ed. by Nadiri Jalali. Tehran: Mirasi Maktub, 2006 (in Persian).
- Salakhedinova M.A. “Prestolonasledie u Sheibanidov” [Succession to Power in the Shibanid Dynasty]. *Pis'mennye pamiatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XXI godichnaia nauchnaia sessiia LO IV AN SSSR. Doklady i soobshcheniia* [Written Monuments and Problems of the History of Culture of the Peoples of the East. XXI Annual Scientific Session of the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Reports and Messages]. Pt. I. Moscow: Nauka, 1987, pp. 142–145 (in Russian).

- Szuppe, Maria. *Le Khorasan aux XIV–XVI siècles: La littérature savante comme expression de l'Unité avec la Transoxiane*. Roma: Atti DEI Convegna Lincei. 127, 1992 (in French).
- Vasil'ev A.D. *Znamia i mech ot padishakha. Politicheskie i kul'turnye kontakty khanstv Tsentral'noi Azii i Osmanskoi imperii (seredina XVI — nachalo XX v.)* [Banner and Sword from the Padishah. Political and Cultural Contacts of the Khanates of Central Asia (Mid-16th to Early 20th Centuries)]. Moscow: Probel-2000, 2014 (in Russian).
- Zinda 'Alī. *Thamarāt al-mashāyikh* (Bukhara 1101 h./1690), Ms. Tashkent Biruni Institute Ms. 2619 (and Ms. 1336) (in Persian).

A Unique Manuscript of the Shibanid Epoch from the Fund of the Center of the Written Heritage of Tajikistan

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 2 (issue 45), pp. 114–132)

Received 03.03.2021.

Lola N. Dodkhudoeva

The Center of the Written Heritage at the Presidium of the National Academy of Sciences of Tajikistan;
ul. Husain-zade, Dushanbe, 35734025 Tajikistan.

The article introduces the results of a preliminary study of the unique work, the *Manaqib al-khulafa'* ("The Virtues/Excellences of the Caliphs") compiled by Qawam ad-Din Muhammad al-Husaini al-Sanaujiradi al-Ziyaratgahi al-Harawi in 997/1588. This is a response to the protest message of the Shiites of Herat, who survived the siege and capture of the city by the Sunnis — the Shibanid troops. The *Manaqib* recreates the early stages of the history of Islam before the split caused by the difference in the understanding of principles of the supreme political power (elective or hereditary) transfer and reveals the virtues of the four righteous caliphs. Fragments of the Qur'an and *hadiths* cited in the treatise present irrefutable evidence of the Sunnis' superiority over Shiism. The treatise is an excellent example of polemical literature of bitter ideological struggle between two orthodoxies — Sunni and Shiite — and contains valuable information on the religious and political history of Eurasia in the premodern period.

Key words: *Manaqib al-khulafa'*, *rashidun*, confessionalization, *sabaqat* precedents, "the people of the Sunna and community", Shiites, Neo-Genghisids.

About the author:

Lola N. Dodkhudoeva, Cand. Sci. (History), Leading Scholar of the Center of the Written Heritage at the Presidium of the National Academy of Sciences of Tajikistan (lola.dodkhudoeva@gmail).